

ков, а те, что имеются, в основном, заимствованы из контактных языков.

Особенное место, как представляется, занимает глава восьмая «Латышский дебитив». В латышском языке есть специальная спрягаемая форма, называемая дебитивом. Дебитив является аналитической формой, состоящей из вспомогательного глагола 'быть', который изменяется по временам и наклонениям, но не по лицам, и специальной неспрягаемой формы, состоящей, в свою очередь, из префикса *jā-* и 3-го л. презенса индикатива. Субъект в дебитивной конструкции стоит в дативе, прямой объект стоит в номинативе, исключение составляют возвратные местоимения 1-го и 2-го л., которые стоят в аккузативе. Дебитив может выражать все три типа необходимости: эпистемическую, деонтическую и динамическую.

Эта форма традиционно описывается как наклонение, но, по мнению автора, это вряд ли верно; приводится несколько аргументов. Но возникает интригующий вопрос: если дебитив не наклонение, то что это? Наиболее приемлемым решением автору представляется интерпретировать дебитив как особый залог.

В главе девятой исследуется архаичная конструкция, выражающая необходимость, присутствующая в обоих языках: 'быть' + инфинитив. Это конструкция изначально имела посессивное значение. Прослеживаются параллели в разных языках, в том числе и в русском. В этой связи хотелось бы сделать еще одно за-

мечание носителя языка. На с. 203 в сноске читаем: *мне нечего делать* наряду с более современным у *меня нечего делать*. Последнее все же представляется вряд ли возможным (в том же значении).

В заключительной десятой главе речь идет о наклонении в придаточных предложениях. В этом балтийские языки ведут себя по-разному. В литовском языке деонтическое придаточное требует употребление форм ирреалиса при отсутствии специфического деонтического комплементаризера, в латышском же наоборот: специфический деонтический комплементаризер позволяет производить выбор между реализмом и ирреализмом независимо от придаточного предложения.

Данные балтийских языков демонстрируют взаимодействие между главным предикатом, значением комплементаризера и наклонением. Чем больше переменных, тем более тонкие различия можно сделать между типами придаточных. Латышский язык в этом смысле устроен сложнее, чем литовский, и еще многое остается открыть в этом языке в будущем. Так заканчивается книга, но конец больше похож на начало – начало новой интриги и новой книги известного балтиста и типолога, которую проницательный читатель уже с нетерпением ждет.

Т.Б. Агранат

A. Stefanowitsch, St.Th. Gries (eds.). Corpus-based approaches to metaphor and metonymy. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. 319 p.

Книга «Корпусные исследования метафоры и метонимии» представляет собой сборник статей, в которых с точки зрения корпусного подхода рассматривается широкий спектр вопросов, лежащих в основном в области интересов когнитивной лингвистики: образование и функционирование конкретных метафорических моделей, выявление областей источников метафор, историческое развитие метафор, метафора и дискурс.

Сборник состоит из 12 статей, указателя авторов, предметного указателя и указателя метафорических областей и сценариев, рассматриваемых в данном сборнике (например, СТЫД, ЛЮБОВЬ, СОБЫТИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и т.д.).

Редакторы данного издания, Анатолий Стефанович (профессор Бременского университета, Германия) и Стефан Грис (доцент Университета Калифорнии, Санта-Барбара), – специалисты по компьютерной и корпусной лингвистике, главные редакторы журнала

«Корпусная лингвистика и лингвистическая теория», посвященного применению корпусов в лингвистических исследованиях. Основные направления исследований А. Стефановича – грамматика конструкций, теория метафоры, фразеология. С. Грис занимается вопросами морфонологии, синтаксиса (collostructional analysis), кроме того в рамках когнитивной лингвистики работает над проблемами полисемии и квазисинонимии, овладения языком. Авторы статей – лингвисты из университетов Великобритании, Италии, США, Финляндии, Чехии.

Во вводной статье к сборнику «Корпусно-ориентированные подходы к метафоре и метонимии» А. Стефанович дает обзор современных исследований (в том числе и статей из сборника), в которых теоретические идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987; 1993; Johnson 1987], касающиеся метафоры и метонимии, подтверждаются и дополняются корпусными исследованиями; он

описывает методологию и указывает основные результаты использования электронных корпусов для изучения метафоры и метонимии.

Необходимость и актуальность применения корпусных исследований для изучения метафоры и метонимии объясняется тем, что интуиция и интроспекция, применявшиеся исследователями «докорпусного периода», и «качественный» подход, заключающийся в глубоком исследовании незначительного по объему текста или ограниченного набора примеров (зачастую придуманных самим исследователем), не могут, во-первых, обеспечить отсутствие влияния исследователя на объект и, во-вторых, гарантировать достаточного охвата и всестороннего рассмотрения изучаемого явления. Эти проблемы разрешаются путем дополнительного привлечения «количественного» подхода, т.е. использования существенно большего объема материала и разнообразных объективных данных, относительно рассматриваемых метафор в корпусах текстов – например, количество вхождений, плотность (т.е. количество употреблений на 1 000 слов), тяготение к той или иной композиционной части текста, к определенному жанру и стилю и др.

Несмотря на высокую эффективность, исследование метафоры и метонимии в корпусах сопряжено с определенными трудностями, основной из которых А. Стефанович считает проблему обнаружения метафоры и метонимии: если грамматические показатели и формы, синтаксические конструкции и лексемы можно легко найти в корпусе, в котором есть морфологическая и частеречная разметка, то для метафоры и метонимии это осложнено, так как выражение концептов в языке не всегда сопряжено с определенными формальными коррелятами. Он выделяет следующие возможные стратегии поиска, которые и применялись авторами статей сборника:

- ручной поиск;
- поиск по словам из области-источника метафоры (source domain);
- поиск по словам из области-цели метафоры (target domain);
- поиск по предложениям, в которых содержатся слова как из области-источника, так и из области-цели метафоры;
- поиск, основанный на «маркерах» метафор – кавычках, выражениях типа *figuratively speaking* 'в переносном смысле', *so to speak* 'так сказать', *literally* 'буквально' и т.д.;
- извлечение метафор из корпусов, размеченных в соответствии с метафорическими областями;
- извлечение метафор из корпусов, размеченных в соответствии с совмещением концептов.

По мнению А. Стефановича, два последних приема представляются наиболее эффективными, однако он отмечает, что реально функционирующих корпусов достаточного объема с необходимой разметкой в открытом доступе пока не существует.

В статье «Метафоричность измеряема» П. Хэнкс обращается к вопросу о связи прямого и метафоричного значения, отношение между которыми часто понимается как взаимоисключающее (слово не может одновременно быть употреблено в прямом и переносном значении). Однако автор показывает, что внутри дихотомии «буквальное vs. метафорическое значение» отношения сложнее, и что одни выражения являются более метафоричными, чем другие (например, *оазис спокойствия в большом городе*, безусловно, метафоричен, но, как считает П. Хэнкс, не в такой степени, как *оазис общения в пустыне одиночества*), и, следовательно, степень метафоричности может быть определена и градуирована. Другими словами, к метафоре применяется теория прототипов [Rosch 1983], в результате чего граница между метафорой и не-метафорой становится более расплывчатой.

По мнению автора, степень метафоричности зависит от сходства характеристик двух концептов, т.е. так называемого метафорического резонанса (*metaphorical resonance*): чем больше у них общих свойств, на основе которых происходит уподобление одного концепта другому, тем легче оно осуществляется и, следовательно, тем меньше степень метафоричности переносного употребления слова. Резонанс усиливается при привлечении третьих концептов, даже не выраженных в тексте эксплицитно (так, городу приписываются характеристики пустыни, хотя само слово не употребляется). В качестве иллюстрации автор рассматривает переносные употребления английского слова *oasis* 'оазис' и метафорический квантификатор *a sea of* ('море Х-ов'). В результате автор предлагает для квантификатора следующую иерархию по степени метафоричности: 'море' + «вещество» ('море снега'); 'море' + «физические объекты» ('море людей'); 'море' + «цвет» ('море золотого'); 'море' + «абстрактные объекты» ('море несчастья'); 'море' + «события» ('море деятельности')¹.

¹ Таким образом, по П. Хэнксу получается, что выражение 'море людей' менее метафорично, чем 'море идей'. Эта точка зрения отличается от представленной в работах [Ли Су-Хён, Рахилина 2005] и [Ли Су-Хён 2005], где показано, что сочетаемость с одушевленными именами является последним этапом грамматикализации подобных метафорических квантификаторов в русском языке.

Статья Е. Семино «Корпусное исследование метафор речепроизводства» посвящена метафорическим выражениям, относящимся к вербальной деятельности в британском варианте английского языка. Объектом исследования явилась оценка говорящим чужой речевой деятельности при ее передаче в косвенной речи (Narrator's representation of speech acts), ср. аналогичное выражение оценки в русском языке: *правительство обвинило или он набросился на критиков*.

Автором анализируются две хорошо известные метафоры: СПОР – ЭТО ВОЙНА (ARGUMENT IS WAR) [Lakoff, Johnson 1980] и КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ (CONDUIT) [Reddy 1979; Grady 1998]. Для них был сформирован единый сценарий, по которому вербальная коммуникация описывается в терминах физических, конкретных действий. В качестве основных областей-источников были выявлены следующие концепты: ПЕРЕДАЧА (TRANSFER) – ср. русск. *дать совет*, ВИДИМОСТЬ (VISIBILITY) – ср. появились новые аргументы, СОВЕРШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ (MAKE) – ср. *выдвигать обвинение*, ФИЗИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ (PHYSICAL CONFLICT) – ср. *нападать с критикой на правительство*, ДВИЖЕНИЕ (MOVEMENT) – ср. *возникли сомнения*, ФИЗИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ (PHYSICAL PRESSURE) – ср. *надавить на подсудимого*, ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА (PHYSICAL SUPPORT) – ср. *поддержать мнение*. Сценарий, по которому производится концептуализация коммуникации, может быть описан следующим образом:

- участники коммуникации различно располагаются или двигаются по направлению или в сторону от других участников, речевых актов и целей разговора (ср. русск. *удалиться от темы*);

- участники коммуникации могут вступать в физический контакт или конфликт (ср. *забросать вопросами*);

- тексты, идеи становятся видными адресанту сообщения (ср. *тексты появляются, их выделяют*);

- речевые акты и тексты можно сконструировать и доставить от адресата к адресанту (*отдать приказ*).

Автор считает, что каноническая формулировка Дж. Лакоффа СПОР – ЭТО ВОЙНА не объясняет все реально встречающиеся метафорические выражения такого рода, в частности, почему в этих выражениях значение не сводится к (буквально) спору или (метафорически) войне. Кроме того, в ней отсутствует связь с личным опытом человека, т.к. война не является опытом для среднестатистического британца, и ситуация спора более близка к дра-

ке или игре. Предлагается новая формулировка: ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ОБЩЕНИИ – ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ (ANTAGONISTIC COMMUNICATION IS PHYSICAL CONFLICT).

В статье А. Стефановича «Слова и их метафоры: корпусное исследование» рассматриваются метафоры, связанные с такими базовыми эмоциями, как грусть, счастье, злость, отвращение, и сравниваются результаты, полученные при использовании «традиционного» метода интроспекции и корпусного исследования с неоспоримым преимуществом второго. Для известных центральных метафор каждого концепта автор приводит количественные данные, подтверждающие их приоритетность, а также выявляет ключевые метафоры, не обнаруженные ранее (например, АТМОСФЕРА (AURA) и БОЛЬ (PAIN) для концепта ГРУСТЬ и ВЫСШИЙ (SUPERIOR) и ОСНОВАНИЕ (FOUNDATION) для концепта СТРАХ).

Автор указывает на то, что частотность в корпусе позволяет, с одной стороны, установить, какие метафоры являются конвенциональными в данной культуре и, с другой стороны, выявить наиболее значимые области-источники для концептов эмоций в данном языке. В качестве примера приводятся метафоры и области-источники для синонимичных (радость и восторг – *happiness* и *joy*) и антонимичных (счастье и грусть – *happiness* и *sadness*) эмоций.

В статье «Грамматика языковых метафор» Э. Дэйнан анализирует различия между прямым и метафорическим значением центральных лексем из областей-источников ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ и ОГОНЬ, связанные с принадлежностью к разным частям речи и тяготению к разным синтаксическим конструкциям и граммемам. В английском языке существительные из области-источника часто в метафорическом значении меняют часть речи и становятся глаголами, ср. *squirrel* 'белка' vs. 'откладывать про запас'. Такого рода факты подтверждаются количественным анализом данных корпуса: так, в классе растений были рассмотрены лексемы *blossom* 'цветок, цвести' и *root* 'корень, давать корни', и для них были посчитаны употребления существительных и глаголов в буквальном и метафорическом значении. Выяснилось, что в буквальном значении глаголов единицы, а в метафорическом их существенно больше (ср. русск. *укорениться*). Поскольку у имен и у глаголов разные роли в ситуации, очевидно, что область-источник проецируется в них по-разному – а это не учитывается классической теорией Дж. Лакоффа. Автор считает, что подобные факты лучше интерпретируются с точки зрения понятия

«блендинг» [Fauconier, Turner 2002], которое предполагает, что на результирующее значение метафоры в одинаковой степени влияет и область-источник, и область-цель.

Показано, что метафорические значения часто соотносятся и с определенной грамматической формой (ср. [Sinclair 2004]): в качестве иллюстрации приводится анализ выбора между единственным и множественным числом у слов *rock* 'камень' и *flame* 'пламя' и их связь с метафорическим значением.

В статье М. Хилперта «Глаз да глаз за данными: метонимии и их структуры» освещаются результаты корпусного исследования метонимии лексемы *eye* 'глаз'. В работе анализируются 22 конструкции и строится типология метонимических отношений; в основной части автор исследует микроконтекст метонимических выражений, в которых встречается лексема *eye*, т.е. коллокации (*collocations*), сочетания двух лексем, и колликации (*colligations*), сочетания определенных классов слов. Результаты исследования соотносятся с базовыми принципами Грамматики конструкций Ч. Филлмора [Fillmore 1988; Goldberg 1996] и Когнитивной грамматикой Р. Лангакера [Langacker 2002].

Автор преследует две основные цели: анализ природы всех метонимичных значений, связанных с конкретным словом (*eye* 'глаз'), и изучение взаимосвязи и взаимообусловленности формы и значения метонимических употреблений. По своей структуре метонимические употребления могут быть жесткими (*fixed patterns*) или полужесткими (*semi-fixed patterns*). Примером жесткой конструкции может служить выражение *turn a blind eye* 'не обращать внимания'. Полужесткой является конструкция *QUANTIFIER + heart* (*set all hearts on fire* 'мгновенно заставить полюбить'), так как в роли квантификатора может выступать не только лексема *all*, но и другие члены этого класса: *some, many, a few* и т.д.

В результате М. Хилперт выявляет 13 метонимических употреблений лексемы *eye*, прежде всего 'внимание', 'наблюдение', 'зрение', 'восприятие', 'зритель' и т.д. Утверждается, что между метонимиями одной лексемы есть связь, т.е. одна метонимия порождает другую, и образуется цепочка переходов, ведущая от одного значения к другому. Например, значение 'наблюдение' образуется через первичную метонимию ГЛАЗ ВМЕСТО НАБЛЮДЕНИЯ (*EYE FOR WATCHING*), которая порождает метонимию НАБЛЮДЕНИЕ ВМЕСТО ВНИМАНИЯ (*WATCHING FOR ATTENTION*), в свою очередь образующую второе значение, 'внимание' (*attention*). Существенно, что первичная метонимия оказывается одина-

ковой для всех выявленных цепочек метонимий.

Статья К. Маркерт и М. Ниссим «Метонимии имен собственных: корпусный анализ», в отличие от остальных статей сборника, описывающих результаты корпусного исследования конкретных метафор и метонимий, посвящена методам аннотирования метонимии в корпусах, учитывающим такие языковые характеристики, как регулярность и продуктивность метонимии. В качестве подтверждения того, что правильная разметка метонимии возможна, приводятся две схемы аннотации, составленные соответственно для двух классов метонимий – топонимов и названий организаций – и полученные результаты: правильно размеченный корпус, состоящий из 3 000 вхождений прямых значений топонимов и 1 000 примеров названий организаций и образованных от них метонимичных значений.

Статья К. Аллан «О дубинах и каше в голове: анализ взаимодействия между культурой и познанием на примере метафор глупости» представляет собой диахроническое исследование метафорической связи между концептами ГЛУПОСТЬ и ПЛОТНОСТЬ. К. Аллан приводит области-источники метафор, с помощью которых концептуализируется понятие 'глупость' – 75 % из них приходится на три области: дерево, земля и пища (ср. русск. *опилки/каша в голове, голова садовая, дубина*). Интересно, что метафоры развиваются не от общего понятия 'плотность', а от более мелких концептов, входящих в него, т.е. сначала концепт 'плотность' осмысливается в понятиях физического мира – для него выбирается материальное воплощение, которое и используется в дальнейшем для осмысления 'глупости'.

Подобные метафоры не рассматривались Дж. Лакоффом, так как они не поддаются объяснению исключительно с когнитивной точки зрения и в большей степени обусловлены культурными особенностями, через которые К. Аллан и объясняет причину и путь их возникновения. Диахронический анализ позволяет определить, в какое время появилась метафора, каким изменениям она подвергалась, а также позволяет выявлять не только успешное, но и неудачное развитие метафоры (*metaphorical failures*), т.е. точки, в которых можно было бы ожидать развитие метафоры, аналогичной имеющимся в системе, но не подтвержденной языковыми фактами. Например, с понятием 'глупость' часто коррелируют лексемы, входящие в семантическое поле *дерево*, т.к. они отсылают к образу чего-то тяжелого, неуклюжего, сквозь которое трудно проникнуть – в деревянную голову/разум/ум сложно проникнуть идеям, мыслям. Кажется, что камень в языко-

вом сознании должен обладать схожими характеристиками, но подобные метафоры от этого концепта не образуются. Автор предлагает два возможных объяснения: а) ко времени образования метафор типа ГЛУПОСТЬ – ЭТО ПЛОТНОСТЬ понятие «камень» уже имело другие коннотации – постоянство, жестокость, безразличие; б) сквозь дерево при приложении усилий все же можно «пройти» (ср. русск. *преодолеть глупость*), а сквозь камень – нет.

Статья П. Койвисто-Аланко и Х. Тиссари «Рациональное мышление и эмоции в метафорах» посвящена изучению метафор английских лексем *mind* 'ум', *reason* 'разум', *wit* 'остроумие', с одной стороны, и *love* 'любовь' и *fear* 'страх' – с другой, в синхронных и диахронных корпусах английского языка. В отличие от большинства современных работ по концептуальным метафорам, нацеленных на простую фиксацию метафор, данное исследование является более узким, но глубоким и состоит в систематическом анализе диахронных изменений метафор центральных лексем для рассматриваемых концептов. Рассматривались только те метафоры, которые являются общими для концептов 'разум' и 'эмоции', с целью определить, представляют ли они собой гомогенный класс и проследить, обладают ли они одинаковыми свойствами в ранненовоанглийском языке и в современном английском языке.

В работе выделяется базовая метафора (ontological metaphor) абстрактных концептов как физических сущностей (ср. русск. *его страх воплотился в...*), в рамках которой можно различать подклассы ИНСТРУМЕНТА (INSTRUMENT/TOOL/WEAPON) – ср. русск. *оттачивать ум*, ПОМЕХИ (OBSTACLE) – ср. *пойти по другой дороге из страха встретить знакомых*, ЦЕННОГО ПРЕДМЕТА (VALUABLE COMMODITY) – ср. *измерить любовь*. Для понятия 'разум' рассматривается концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА (HUMAN BODY) как область-источник и метафоры СИЛЫ (FORCE) и ТЕЛО – КОНТЕЙНЕР ДЛЯ ЭМОЦИЙ (CONTAINER FOR EMOTIONS).

Интересным результатом диахронического анализа явилось выделение двух типов трансформаций метафорических значений. Во-первых, происходит изменение свойств метафоры, которое свидетельствует о произошедшем семантическом сдвиге. Во-вторых, когнитивные метафоры отражают культурные изменения (например, в ранненовоанглийском страхе перед богом воспринимался как ценность и имел положительную оценку).

В статье Дж. Х. Мартина «Корпусный анализ контекстных эффектов при восприятии метафоры» приводится исследование того, каким образом разные типы контекста влияют

на упрощение или осложнение понимания метафоры. Данная работа опирается как на результаты психолингвистических исследований контекстных эффектов [Gernsbacher et al. 2001], так и на работы, касающиеся языковых свойств метафор в естественных текстах. Автором проводится анализ того, как происходит восприятие текста, содержащего метафоры ЧИСЛОВАЯ ЦЕННОСТЬ – МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ (NUMERICAL VALUE – LOCATION), КОММЕРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ – КОНТЕЙНЕР (COMMERCIAL ACTIVITY – CONTAINER), КОММЕРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ – СЛЕДОВАНИЕ ПО ПУТИ (COMMERCIAL ACTIVITY – PATH FOLLOWING), КОММЕРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ – ВОЙНА (COMMERCIAL ACTIVITY – WAR). Измерялось время задержки восприятия текста, содержащего лексемы из области-источника, использованные в прямом значении рядом с метафорическими употреблениями. На материале корпусов проверяется гипотеза, согласно которой если когнитивная метафора использовалась в дискурсе, есть большая вероятность того, что слова из области-источника снова будут использованы в метафорическом смысле, но низкая вероятность того, что они будут использованы в прямом значении.

Статья В. Коллер «Крайне важно: использование электронных корпусов для изучения метафор в языке бизнес-СМИ» описывает социально-культурные и идеологические аспекты использования метафоры с применением количественного подхода и данных электронных корпусов. Автор говорит, что социально-культурная интерпретация физических и социальных явлений, подвергающихся метафоризации, влияет и на сами метафоры. Разные сферы в культурах имеют неодинаковую значимость, следовательно, в разной степени подвергаются метафоризации. С другой стороны, метафоры, более сложные, чем базовые, существенно зависят от идеологии, так как с их помощью создается «новая реальность» в соответствии со взглядами говорящего. В частности, автор говорит о том, что бизнес-СМИ крайне ориентированы на читателя, т.е. журналисты стремятся использовать язык читателей – деловых мужчин среднего возраста. Поэтому наиболее частотной оказывается метафора БИЗНЕС – ВОЙНА, которая идеологична в том смысле, что описывает одну из областей действительности (маркетинг) в выгодном свете – в терминах агрессии, привычных целевой аудитории.

В заключительной статье сборника «Метафоры, лейтмотивы и сравнения в различных жанрах: методы корпусно-ориентированного исследования дискурса» А. Партингтон приме-

няет корпуса для исследования общих характеристик и соотношений между метафорами и сравнениями. Во второй части статьи он выделяет основные метафоры в подкорпусе текстов бизнес-СМИ, не свойственные другим жанрам: БИЗНЕС – ЭТО ГОНКА (BUSINESS IS A RACE), ЗАХВАТ ВЛАСТИ В БИЗНЕСЕ – ЭТО ОХОТА (BUSINESS TAKE-OVER IS A HUNT), КОМПАНИИ – ЭТО ЛЮДИ, МЕХАНИЗМЫ или ЖИВОТНЫЕ (COMPANIES ARE PERSONS, MACHINES or ANIMALS). В третьей части А. Партингтон приводит обзор современных итальянских работ, посвященных политической метафоре (ср. исследование русской политической метафоры [Баранов 1994]).

Таким образом, использование электронных корпусов текстов для изучения метафоры и метонимии является важным шагом для подобного рода исследований, так как позволяет существенно углубить и расширить их. В настоящее время корпуса могут быть использованы для выявления метафор и метонимий, содержащихся в определенном типе текстов или характерных для некоторого концепта или семантического поля; для определения и анализа повторяющихся метафорических моделей, свидетельствующих о системности данной области языка; для выявления диахронических изменений, которым подвергаются метафоры и метонимии; для описания формальных свойств метафор и метонимий (принадлежность к той или иной части речи, морфологические и синтаксические сдвиги). Кроме этого, корпусные исследования дополняют успешно использующийся качественный подход количественным: а именно, в них получены сведения о частотности и продуктивности метафор и метонимий, о их численных характеристиках в разных типах дискурса. Благодаря большому объему текстов возможна проверка, дополнение и уточнение ранее выдвинутых теорий. Другими словами, корпусные исследования представляют собой многофункциональный инструмент, открывающий широкие перспективы в когнитивной лингвистике и, в частности, в теории метафоры. Отметим, что технические характеристики Национального корпуса русского языка (разные виды разметки, большой объем корпуса) позволяют проводить подобные исследования и на материале русского языка.

Итак, сборник «Корпусные исследования метафоры и метонимии» является результатом работы в новой перспективной области. Несмотря на существенные ограничения в представленных исследованиях (использование данных только английского языка при наличии качественных корпусов других языков,

анализ уже выявленных и описанных ранее метафор) данная работа, безусловно, представляет интерес для широкого круга читателей. В первую очередь она будет интересна когнитивным лингвистам, исследователям дискурса, корпусным исследователям, специалистам по семантике, а также лексикографам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов 1994 – А. Баранов. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Ли Су-Хён, Рахилина 2004 – Ли Су-Хён, Е.В. Рахилина. Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2004.
- Ли Су-Хён 2005 – Ли Су-Хён. Когнитивный анализ русских конструкций с именными квантификаторами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Fauconier, Turner 2002 – G. Fauconier, M. Turner. The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York, 2002.
- Fillmore 1988 – Ch. Fillmore. The mechanisms of construction grammar // Proceedings of the fourteenth annual meeting of the Berkeley linguistics Society. 1988.
- Goldberg 1996 – A.E. Goldberg. Construction grammar // K. Brown, J. Miller (eds.). Concise encyclopedia of syntactic theories. Oxford, 1996.
- Gernsbacher et al. 2001 – M.A. Gernsbacher, B. Keysar, R. Robertson, N. Werner. The role of suppression and enhancement in understanding metaphors // Journal of memory and language. 45. 2001.
- Grady 1998 – J. Grady. The 'Conduit' metaphor revisited: A reassessment of metaphor: correlation vs. resemblance // R.W. Gibbs, G.J. Steen (eds.). Metaphor in cognitive linguistics. Amsterdam, 1998.
- Hanks 2004 – P. Hanks. The syntagmatics of metaphor and idiom // International journal of lexicography. 17. 2004.
- Johnson 1987 – M. Johnson. The body in the mind. Chicago; London, 1987.
- Lakoff 1987 – G. Lakoff. Women, fire, and dangerous things. Chicago, 1987.
- Lakoff 1993 – G. Lakoff. The contemporary theory of metaphor // A. Ortony (ed.). Metaphor and thought. Second edition. Cambridge, 1993.
- Lakoff, Johnson 1980 – G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.

Langacker 2002 – R.W. Langacker. Concept, image and symbol. Second edition. Berlin; New York, 2002.

Reddy 1979 – M.J. Reddy. The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language // A. Ortony (ed.). Metaphor and thought. Second edition. Cambridge, 1979.

Rosch 1983 – E. Rosch. Prototype classification and logical classification: The two systems //

E. Scholnick (ed.) New trends in cognitive representation: Challenges to piagrt's theory. Hillsdale (N.J.), 1983.

Sinclair 2004 – J. Sinclair. Trust the text: Language, corpus and discourse. London, 2004.

В.А. Круглякова, О.Ю. Шеманева

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ун-та, 1983–2007; **Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (республики Мордовия).** Т. 1–8. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1978–2006; **Словарь смоленских говоров.** Вып. 1–11. Смоленск: СГПИ (СГПУ), 1974–2005.

Развитие славянской (в том числе и русской) диалектологии и региональной лексикографии в послевоенное время во многом определялось монументальными проектами «Общеславянского лингвистического атласа» и национальных атласов практически всех славянских языков. Для русского языка эти проекты оказались особенно плодотворными, ибо (в отличие от многих других стран) советские диалектологи сосредоточились не только на лингвогеографических исследованиях, конечной целью которых было составление лингвистического атласа русских народных говоров и его специализированных и региональных «ответвлений» типа только что вышедшего «Лексического атласа русских народных говоров» [ЛАРНГ 2004] или оригинального «Лексического атласа Московской области» А.Ф. Войтенко [Войтенко 1991], но и на собственно словарной работе.

Концепция лингвистических атласов предполагала фронтальное обследование народных говоров всех регионов России. И уже в конце 40-х–начале 50-х годов в некоторых университетах и педагогических институтах России студенты и аспиранты под руководством опытных диалектологов начали планомерные записи народной лексики. Так, например, в Ленинградском государственном университете по инициативе Б.А. Ларина начала создаваться одна из крупнейших диалектных картотек в нашей стране – двухмиллионная ныне картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» полного типа (ПОС). Позднее к этой работе подключились и русисты Псковского педагогического института. Показательно, что в состав картотеки включены и материалы, собранные А.П. Евгеньевой именно для «Атласа русских народных говоров» (около 20 000 карточек). Вообще следует подчеркнуть, что лексикографические программы разных регионов России стали мощным стимулирующим фактором сотрудничества наших

вузов и Академии наук на почве русской диалектологии. Сотрудничество, которое продолжается несмотря на все политические изменения и катаклизмы нашего времени. Большую роль в координации и интенсификации этой работы сыграл «Проект словаря русских народных говоров» Ф.П. Филина (1961).

Благодаря неутомимой работе многих подвижников русская народная речь запечатлена теперь в более чем ста диалектных словарях, территориально охвативших не только все основные регионы России, но и русскоязычные диалектные зоны других государств (например, Белоруссии или Одесской области Украины). Не все лексикографические проекты пока завершены, но даже чрезвычайно трудоемкие словарные «серии» в последнее время значительно ускорили темпы своего продвижения вперед. К «двойному сорокалетию» главного редактора «Словаря русских народных говоров» Ф.П. Сорокалетова выпущен 40-й том этого тезауруса; 18-го выпуска дождались читатели ПОС'а, монументальный АОС не только обогатился после перерыва несколькими выпусками, но его составители издали и замечательное приложение к нему – «Обратный словарь архангельских говоров» [АОС-Обр.]. И конечно, каждый заверченный русский диалектный словарь становится и важной вехой отечественной диалектографии, и большим праздником для любого знатока и любителя русской речи и культуры. «Словарь говоров Подмосковья» [Иванова 1969; Войтенко 1995], СПГ, СРГСУ, СРГСУ-Доп, НОС, ЯОС, СРГК, СРГНП, ... и другие заверченные словари стали неоценимыми источниками для работы языковедов, фольклористов, этнографов, историков, социологов, писателей и журналистов. Ведь при всем разнообразии принципов составления и разномасштабности всех наших диалектных словарей они являются многоформатным зеркалом жизни русского народа от первых летописных источников до постпер-